

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**St.Petersburg Journal
of Oriental Studies**

**выпуск 3
volume 3**

**Центр
"Петербургское Востоковедение"**

**Санкт-Петербург
1993**

РЕЦЕНЗИИ

Ли Мин-бинь. Китайская литература в России и Советском Союзе. Гуанчжоу, издательство "Хуачэн чубаньшэ", 1990, 300 с.

(李明濱著。中國文學在俄蘇。廣州。花城出版社。)

Насколько рецензенту известно, данная книга Ли Мин-биня является третьей из опубликованных недавно в Китае работ, специально посвященных знакомству Китая с историей русского китаеведения. Первая из них - двухтомный "Справочник по китаеведению в России и Советском Союзе" (俄蘇中國學手冊. Пекин, 1986) содержит обширный материал, но вряд ли может считаться исчерпывающим и авторитетным справочником с точки зрения включенных в него сведений. Вторая - "Изучение китайской классической литературы в СССР. Проза. Драма" (李福清著。中國文學在俄蘇。廣州。花城出版社。Пекин, 1987. 156 с.). Книга написана историком китайской литературы, главным образом классической, Б. Л. Рифтиным, широко известным у нас и за рубежом своими исследованиями, и переведена на китайский язык Тянь Да-взем, специалистом-русистом, автором многих исследований и переводов русской литературы¹

Глубокое знание предмета, тщательный отбор материала и удачно найденная форма его изложения делают книгу Рифтина прекрасным источником для китайской аудитории, интересующейся историей изучения китайской старинной повествовательной литературы и драмы в России с начала XX в. Этот труд Б. Л. Рифтина послужил одним из надежных подспорий Ли Мин-биню при написании им рецензируемой книги. Сам факт публикации в Китае одного за другим (1986, 1987, 1990) трёх изданий, посвященных русскому китаеведению, говорит о возросшем в последние годы интересе к этой теме со стороны китайской аудитории².

Книга Ли Мин-биня "Китайская литература в России и Советском Союзе" является первой его большой работой именно в этой области.

Филолог-русист и советолог Ли Мин-бинь (род. в 1934 г.) относится к числу учёных, давно завоевавших своими трудами мировую известность. Советология, история русской литературы с конца XVIII в. до наших дней, взаимодействие культур Китая и России, в том числе их литературные связи, русский язык, - такова в общих чертах сфера научных интересов Ли Мин-биня, профессора и декана факультета русского языка и литературы Пекинского государственного университета (далее:

¹ С одной из недавних фундаментальных переводческих его работ "И. С. Тургенев. Сцены и комедии" (屠格涅夫選集。戲劇集。田大畏譯。Пекин, 1986. 444 с.) мне представилась возможность познакомиться благодаря любезно подаренному мне переводчиком экземпляру.

² Примечательна в этой связи и сама история названной книги Б. Л. Рифтина. В предисловии к ней автор рассказывает, что после того, как осенью 1981 г. он выступил в Пекине перед специалистами-исследователями китайской литературы с докладом о состоянии изучения китайской старинной литературы в Советском Союзе, редакция журнала Пекинской национальной библиотеки "Литературное наследие" (文獻) обратилась к нему с просьбой написать на эту тему специальный очерк.

Не могу не упомянуть и о подготовляемой ныне Центром документации и информации Академии общественных наук КНР библиографии "Китаеведы мира", где, разумеется, будет широко представлено и русское китаеведение.

ПГУ. - И. Ц.), директора Института советологии при ПГУ³. Именно перечисленным проблемам посвящены его лекционные курсы и практические занятия, доклады на конференциях и заседаниях китайских общественных организаций⁴, международных конгрессах, а также большая редакционная деятельность⁵.

Перу Ли Мин-биня принадлежит более тридцати статей о творчестве Толстого, Достоевского, Тургенева, Шолохова и других русских писателей, опубликованных в китайских сборниках и журналах, а также целые разделы, очерки и статьи в учебниках по литературе, издаваемых Министерством высшего образования КНР⁶.

Трудно переоценить деятельность Ли Мин-биня как переводчика. В его переводе вышел ряд сборников "Воспоминаний": "Воспоминания о Чехове" (1962), "Воспоминания о Пушкине" (1987), монография А. Г. Достоевской "Воспоминания" (1987); среди других его многочисленных переводов: "Избранные произведения лауреатов Нобелевской премии" (1985), монография В. И. Семанова "Лу Синь и его предшественники" (1987), "Избранные повести об Отечественной войне Советского Союза (1941-1945)".

Все сказанное выше позволяет с полным правом отнести Ли Мин-биня к блестящей и ставшей ныне многочисленной плеяде китайских русистов-филологов, достойных продолжателей дела Лу Синя, Цюй Цю-бо, Мао Дуя, Чжэн Чжэнь-до, Цао Цзин-хуа, Сяо Саня и других знаменитых китайских писателей, посвятивших свои труды изучению, переводу и пропаганде русской литературы в Китае.

К сожалению, имя Ли Мин-биня остается почти неизвестным в наших научных кругах. Поэтому мы позволили себе достаточно подробно рассказать о его творческой и общественной деятельности.

Ли Мин-бинь называет два обстоятельства, побудившие его обратиться к новой теме - изучение китайской литературы в России и СССР. Первое - это задача, которая встала перед ним в результате привлечения его в 1981 г. к работе в Обществе сравнительного литературоведения, а затем и в образовавшемся при ПГУ Институте сравнительного литературоведения. Второе - это возросший интерес к русскому Китаеведению. "Как в Советском Союзе знают новую и старинную китайскую литературу?"; "Какие произведения там исследуют и переводят?"; "Какие взгляды на китайскую литературу высказывают?" - с такими и подобными вопросами к Ли Минь-биню не раз обращались его китайские коллеги и другие, с кем ему доводилось общаться⁷.

"Изучение китайской литературы в России и Советском Союзе" Ли Мин-биня представляет собой обстоятельный историко-библиографический очерк. Главная и несомненная его заслуга в том, что это первый в Китае большой самостоятельный труд, где вся история предмета изложена систематически, начиная с зарождения ки-

³ Ли Мин-бинь занимает должности и в других научных учреждениях, созданных при ПГУ: зам. директора Центра по изучению мировой литературы, профессор Института сравнительного литературоведения.

⁴ Ли Мин-бинь - член Союза китайских писателей, секретарь Общества по изучению китайской и зарубежной литератур, секретарь Всекитайского общества по изучению зарубежных литератур в Высших учебных заведениях, а также секретарь Пекинского отделения Научного общества сравнительного литературоведения; недавно Ли Мин-бинь избран председателем Общества сравнительного изучения китайской и советской литератур.

⁵ Имеется в виду его работа в составе редакции журнала "Иностранная литература" (外國文學), издаваемого ПГУ, и русской серии - приложения к журналу "Советский Союз сегодня" (今日蘇聯), которая издается Шанхайским издательством переводной литературы.

⁶ Назову лишь некоторые из них: двухтомник "История европейской литературы" (1979), "Краткий очерк зарубежной литературы" (1980), "История зарубежной литературы" (1985), двухтомное справочное издание "Знаменитые писатели Китая и зарубежных стран" (1986).

⁷ Об этом подробно см.: Ли Мин-бинь. Предисловие к рецензируемой книге, с. 102.

таеведения в России XVIII в. вплоть до состояния изучения китайской литературы в России в наши дни.

Условно, с точки зрения содержания Очерка, книгу можно разделить на две части: исторический очерк как таковой (с. 1-63) и основной корпус работы (с. 64-231), где автор подробно рассматривает деятельность советских синологов-литературоведов, анализируя их труды по китайской литературе соответствующего периода. В книге 12 глав; содержание каждой изложено в тематических разделах (всего таких разделов 69). Очерк снабжён тремя Приложениями (с. 232-270).

Какие именно вехи в истории рассматриваемого предмета автор выделяет, каким исследованиям и переводам придаёт особое значение, - обо всем этом читатель сразу может составить полное представление, ознакомившись с оглавлением книги. Именно поэтому мы предлагаем читателю перевод Оглавления первых трех глав полностью, а содержание последующих подробно излагаем.

Глава 1. Развитие китаеведения в России и распространение китайской литературы в России. 1. Возникновение китаеведения в России; 2. Основоположник китаеведения в России И. Бичурин и его преемники. 3. Академик В. П. Васильев и первая История китайской литературы; 4. Произведения китайской литературы, собранные в России; 5. Интерес великих писателей России к китайской литературе.

Глава II. Переводы и исследования китайской литературы в Советском Союзе более чем за 70 лет. 1. Становление нового советского китаеведения; 2. Китаеведение в СССР - краткий обзор; 3. Основные китаеведческие учреждения; 4. Переводы и исследования китайской литературы в 1917-1949 годы; 5. Наводнение переводами китайской литературы в 50-ые годы; 6. Расширение сфер переводческой деятельности в 60-70-ые годы; 7. Заметные достижения в исследовании китайской литературы в 60-70-х годах; 8. Повышенный интерес к современной китайской литературе в 80-е годы.

Глава III. Выдающийся советский китаевед академик Алексеев. 1. В. М. Алексеев и новый этап в развитии китаеведения; 2. Капитальный труд "Поэма о поэте" Сыкун Ту; 3. Три собрания трудов В. М. Алексеева: "Китайская литература", "Китайская народная картина", "Наука о Востоке"; 4. Исследование новелл Ляо Чжая; Основные особенности советского китаеведения, сформировавшиеся под влиянием академика В. М. Алексеева.

Глава IV. Обзор советских "Историй китайской литературы".

В отдельные разделы выделены труды Н. Т. Федоренко; "Китайская литература. Краткий очерк" В. Сорокина и Л. Эйдлина (1962); разделы "Китайская литература" в четырёхтомной "Истории литератур Востока", подготовленной Московским университетом (1962-1967); последний раздел посвящён рассмотрению взглядов Л. Д. Позднеевой на традиционные методы написания Истории китайской литературы.

Глава V. Мифология. Народная и протонародная литература - от Гордлевского до Рифтина.

После краткого обзора до и послереволюционной литературы на эту тему автор переходит к анализу трудов Б. Л. Рифтина: "Китайская мифология" (в кн.: "Мифы народов мира. Энциклопедия", т. 1, 1980); "О китайской мифологии в связи с книгой профессора Юань Кэ" (Послесловие к русскому переводу, 1987); "Сказание о Великой стене и проблема жанра в китайском фольклоре" (1961); "Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае" (1970); "От мифа к роману" (1979). Значительное место уделено далее рассмотрению монографии Н. А. Спешнева "Китайская протонародная литература" (1986).

Главы VI-XII представляют собой своеобразный очерк советских исследований китайской литературы по отдельным её историческим периодам.

Главы VI-VII - от древней китайской литературы до литературы эпохи Троецарствия (III в.).

Охарактеризовав в общих чертах некоторые сборники статей, отдельные исследования и переводы, автор в особые разделы выделяет следующие монографии: Н. Т. Федоренко. "Шицзин" и его место в китайской литературе" (1959); Л. Е. Чер-

касский. "Поэзия Цао Чжи" (1963); И. С. Лисевич. "Древнекитайская поэзия и народная поэзия" (1969) и его же "Литературная мысль Китая на рубеже древности и средних веков" (1979).

Главы VIII-IX посвящены средневековой литературе.

Глава VIII: от периода Троецарствия (III в.) до начала эпохи Сун (X в.).

Начав главу с советских статей, посвящённых изучению китайской поэзии III-V вв., и в этой связи особо уделив внимание труду Л. З. Эйдлина "Тао Юаньмин и его стихотворения" (1967); Ли Мин-бинь характеризует другие советские исследования, относящиеся к данному периоду: К. И. Голыгина "Китайская проза на пороге средневековья" (1983); О. Л. Фишман "Ли Бо. Жизнь и творчество" (1958); Е. А. Серебряков. "Чэнь буддизм в творчестве Ван Вэя" (1984). Специальный раздел посвящён Л. Н. Меньшикову и его работам в области дунхуановедения.

Глава IX: от начала Сун (X в.) до начала династии Цин (середина XVII в.).

Здесь в специальных разделах автор рассматривает монографии Е. А. Серебрякова "Лу Ю. Жизнь и творчество" (1973) и "Китайская поэзия X-XI веков. Жанры ши и цы" (1979); в связи с работами Е. А. Серебрякова автор характеризует и его переводческий труд: комментированный перевод дневника Лу Ю "Поездка в Шу" (1968). Два раздела посвящены изучению жанров хуабэнь, пинхуа и шихуа; в них особо рассматривается работа А. Н. Желоховцева "Хуабэнь - городская повесть средневекового Китая" (1969); следующие два раздела посвящены работам К. И. Голыгиной "Новелла средневекового Китая" и В. Ф. Сорокина "Китайская классическая драма XIII-XIV вв." (1979). Завершается глава разделом о советских исследованиях и переводах романов и повестей, написанных в жанре "подражание хуабэням" (ни хуабэнь) минского периода.

Глава X: *Новая китайская литература (период Цин: середина XVII-начало XX в.)*. Как обычно, глава начинается кратким очерком советских исследований литературы данного периода, после чего автор переходит к анализу отдельных исследований. Рассматриваются две работы О. Л. Фишмана: "Китайский стихотворческий роман. Эпоха просвещения" (1966) и "Три китайских новеллиста XVII-XVIII вв.: Пу Сун-лин, Цзи Юнь, Юань Мэй" (1980); монография В. И. Семанова "Эволюция китайского романа. Конец XVIII-начало XX в." (1970) и К. И. Голыгиной "Теории изящной словесности в Китае в XIX-начале XX в." (1971). Несколько страниц уделено исследованиям драмы.

Глава XI озаглавлена: *Советское лусиноведение и работы Семанова о Лу Синь*. Помимо анализа всех работ В. И. Семанова, посвящённых Лу Синю, автор очерка останавливается и на некоторых других исследованиях: Л. Д. Позднеева. "Лу Синь. Жизнь и творчество" (1959), В. Ф. Сорокин. "Формирование мировоззрения Лу Синя. Ранняя публицистика и сборник "Клич" (1958), В. В. Петров. "Лу Синь. Очерк жизни и творчества" (1960).

Глава XII: *Современная китайская литература*. В ней всего 15 страниц и 8 разделов, в каждом из которых рассматриваются работы отдельных авторов: монографии Л. Е. Черкасского "Новая китайская поэзия (20-30-е годы)" (1972) и "Китайская поэзия военных лет, 1937-1949" (1980); В. В. Петров. "Ай Цин. Критико-биографический очерк" (1954); В. Т. Сухоруков. "Вэнь И-до. Жизнь и творчество" (1968); В. С. Аджимамудова. "Юй Да-фу и литературное общество "Творчество" (1971); В. Ф. Сорокин. "Творческий путь Мао Дуня" (1962); М. Е. Шнейдер. "Творческий путь Цюй Цю-бая" (1964); две работы о Лао Шэ: А. А. Антиповский. "Раннее творчество Лао Шэ" (1967) и О. П. Болотина "Лао Шэ. Творчество военных лет, 1937-1949" (1983); Л. А. Никольская. "Цао Юй. очерк творчества" (1984).

Последний раздел главы посвящён переводам китайской литературы на Украину.

Приложения: 1. Советские исследования по китайской литературе. 2. Переводы произведений китайской литературы в Советском Союзе. 3. Краткие сведения о Китае в России и Советского Союза.

Уже само оглавление свидетельствует о широте привлечённого автором материала. А рассуждения Ли Мин-биня о каждом из перечисленных в Оглавлении

исследований, их анализ и оценка явно говорят о том, что автор знаком со всеми этими трудами не из вторых рук, а непосредственно, что имеет первостепенное значение. Не берусь даже сосчитать всех прочих авторов, занимавшихся в той или иной связи изучением культуры Китая, упомянутых в книге Ли Мин-биня. Хотя Ли Мин-бинь в Предисловии к своему Очерку и благодарит китайских и зарубежных друзей (в том числе В. И. Семанова и Б. Л. Рифтина), а также организации, которые помогли ему в собирании материала, нетрудно себе представить, сколько терпения, усилий и труда пришлось вложить автору, живущему вне изучаемой страны⁸, в свою книгу.

Из горы имевшегося в распоряжении автора материала Ли Мин-бинь сумел выбрать самое важное, определяющее основные направления в истории изучения китайской литературы в нашей стране, удачно систематизировать материал и изложить его с большим знанием дела. Полагаю, что решающим обстоятельством в данной связи является тот факт, что в лице автора первого в Китае очерка об изучении китайской литературы в нашей стране мы имеем одновременно и высококвалифицированного филолога-русиста и знатока китайской литературы - как классической, так и современной. В результате читатель получил вполне надёжный материал и может полностью довериться компетентному мнению автора.

Позволю себе высказать некоторые соображения, продиктованные исключительно большим значением, которое рецензент придаёт рассматриваемой книге Ли Мин-биня.

Первое и основное. Книга должна быть доступна специалистам в разных областях гуманитарных наук - слишком широк в Очерке круг затронутых проблем - и не в последнюю очередь, разумеется, советологам. Многие иностранцы в наше время владеют русским языком. Это в равной мере относится и к китайцам, живущим в самом Китае и за его пределами. Без включения в текст Очерка оригинального (т.е. русского) написания названий всех упоминаемых в Очерке русских исследований, сборников и имен собственных, книга Ли Мин-биня не может быть достойно включена в научный оборот. В то же время очевидно, что подобная переработка текста книги не только связана с издательскими трудностями, но неминуемо увеличит объём Очерка в два-три раза, что (при обилии включённого в нее материала) сделает книгу тяжеловесной, трудно читаемой. Какой можно было бы предложить в данной ситуации выход? Здесь, по-видимому, есть две реальные возможности. Первая - это перевод на русский язык всего очерка. Тогда заинтересованный читатель сможет пользоваться двумя текстами параллельно. Второй вариант - альтернативный. Беру на себя смелость предложить его, надеясь, что в ближайшие годы книга Ли Мин-биня будет переиздана. Очерк Ли Мин-биня снабжён английским оглавлением. Надо внести в книгу оглавление и на русском языке. Это несложно и важно: в этом случае названия всех основных русских работ, рассматриваемых Ли Мин-бином (а таковых, как читатель мог убедиться, немало), будут воспроизведены в их оригинальном написании. Во-вторых, следует снабдить Приложения (или хотя бы два из них: "Советские исследования по китайской литературе" и "Переводы произведений китайской литературы в Советском Союзе") специальным указателем, в котором все упомянутые в Приложениях работы нашли бы отражение в их русском написании⁹.

⁸ В нашей стране Ли Мин-бинь был только три раза (1987, 1989, 1991), причем каждый раз кратковременно. Думаю, что в 1989 г. Очерк Ли Мин-биня уже был сдан в производство.

⁹ Подобный способ практикуется в русских востоковедных исследованиях. Так, в работе В. А. Вельгуса "Известия о странах и народах Африки. Китайские источники ранее XI в." (М., 1978), в Библиографии, выделен специальный раздел для литературы на китайском и японском языках (в нём 131 название), где фамилия автора даётся в русской её транскрипции, а название его работы - в переводе; каждая работа в этом разделе пронумерована. К данному разделу прилагается "Иероглифический указатель", в котором читатель без труда найдет под соответствующим номером интересующую его работу в её оригинальном иероглифическом написании. Кроме того, нам известно, что некоторые новые китайские книги включают в себя иностранный текст.

Так, например: "Сунь-цзы. Сверенное и комментированное издание" (孫子校釋, Пекин, 1990, 438 с.), помимо китайского текста, содержит его перевод на английский, французский, русский, японский и итальянский языки.

Действительно, немногие (даже китаеведы) знают китайские фамилии, которые взяли себе Эйдлин - Айдэлинь, Федоренко - Фэйдэлинь, Меньшиков - Мэнлефу, Спешнев - Сыгэлинь, Рифтин - Лифуцин. И легко ли идентифицировать переданные автором Очерка в китайской транскрипции иероглифами Шинайдэ - со Шнейдером, Шэнтучзинь - со Штукиным, Фэйшэньмань - с Фишман, Селебулиякэфу - с Серебряковым и т. п. Мне могут на это возразить, что установить оригинальную фамилию автора можно по Приложению III: "Краткие сведения о китаеведах России и Советского Союза". Справедливо. Но путь этот сложный: если не знать принципа передачи слогов русских имен собственными иероглифами, то поиск займёт немало времени, так как для этого придется просматривать всё Приложение, в котором пятьдесят страниц¹⁰.

Далее. Историю изучения китайской литературы в нашей стране Ли Минбинь вполне обоснованно рассматривает в контексте развития советского китаеведения как такового - разных его областей и направлений. Разумеется, в небольшом очерке, посвящённом одной проблеме, автор не имеет возможности излагать подробно всё то, что касается изучения других сторон культуры Китая. В результате отдельные разделы Очерка, где говорится именно об этих других проблемах, оказываются перегруженными чисто библиографическим материалом, что отяжеляет повествование, превращая его в сухое перечисление тем, имён, сборников и монографий. К числу подобных мест, на наш взгляд, прежде всего, относятся разделы Гл. II "Становление нового советского китаеведения" и "Китаеведение в СССР". В эту часть Очерка автор вобрал такое количество сведений об изучении Китая в нашей стране (за исключением, разумеется, самого литературоведения, чему посвящен Очерк в целом), что при желании подобные места могли бы стать базой для отдельного самостоятельного исследования. Здесь же всё и обо всём: экономика, политика, национальный вопрос, революционное и коммунистическое движение в Китае, взаимоотношения с Советским Союзом в разных областях¹¹ и т. д. и т. п.; называются советские историки, специалисты-лингвисты и их работы. И всё это с начала 20-х годов по наши дни - на двенадцати страницах! С сожалением приходится констатировать, что подобные места выпадают из обстоятельной манеры повествования, свойственной автору рецензируемой работы, и уж тем более контрастируют с рядом живых интереснейших мест, где автор в подтверждение своей точки зрения рассказывает о беседах с друзьями - китайскими писателями и известными советскими китаеведами.

Многочисленные повторы библиографических данных об одних и тех же работах характерны для Очерка Ли Минбиня. Определяется это самой архитектурной книжки: почти весь материал, касающийся изучения китайской литературы, лишь упомянутый в первых трёх главах, становится предметом подробного рассмотрения в главах V-XII, специально посвящённых изучению китайской литературы. Кстати, материал в главах V-XII весьма удачно, на наш взгляд, распределён по хронологическому принципу истории развития самой китайской литературы.

Надеясь на переиздание книги, рецензент считает необходимым отметить некоторые из замеченных им в тексте Очерка досадных неточностей и ошибок, а также высказать свое мнение о целесообразности внесения в Очерк тех или иных дополнительных сведений.

Говоря о работе советских китаистов-лингвистов 30-50-ых годов, Ли Минбинь вскользь замечает: "Давно известный в нашей стране китаевед Лунгофу (А. А. Драгунов, 1900-1955)... вместе с А. Г. Шпринциным (1907-1974) и другими совет-

¹⁰ В названном Приложении русские авторы расположены в порядке русского алфавита. Русская фамилия автора предваряется его иероглифической передачей.

¹¹ Следует заметить, что сам по себе этот материал представляет большой интерес не только для китайских, но и для русских ученых, так как работы по истории, экономике Китая, датируемые ранее 60-ых годов, далеко не все представлены в библиотеках, многие разбросаны в изданиях, ставших теперь раритетами.

скими китаеоведами занимался проблемами латинизации китайской письменности" (с.35-36). Во-первых, здесь, как и в других местах Очерка, следует иначе в китайском варианте передать фамилию Шпринцин. Автор во всех советских и китайских публикациях именуется Шипинцин (史萍青), а не Шипулиньцин (施普林欽), как это сделано у Ли Мин-биня.

Далее. Поскольку Очерк рассчитан на китайского читателя, ему несомненно будет интересно знать, что в работе по латинизации, проводившейся в Советском Союзе с 1928 по 1937 г., наряду с советскими китаеоведами активное участие принимали китайские специалисты Чжоу Сун-юань, Линь Бо-цзюй, У Юй-чжан и многие другие, проживавшие в те годы главным образом на Дальнем Востоке нашей страны. В-третьих, по-видимому, именно здесь (поскольку в главе, посвящённой академику В. М. Алексееву ни словом не упомянуто о его работе по латинизации) уместно сообщить, что, начиная с осени 1930 г., В. М. Алексеев (к тому времени уже действительный член АН СССР) долгие годы был председателем Комиссии по латинизации при Институте востоковедения АН (Ленинград) и в 1931 г. выступал с докладом об итогах работы в этой области на сессии Академии наук. Без сомнения, следует назвать монографию В. М. Алексеева "Китайская иероглифическая письменность и её латинизация" (Ленинград, 1932. 178 с.), которая имеет непосредственное отношение и к самой китайской литературе. На эту работу В. М. Алексеева до сих пор ссылаются многие, в той или иной связи интересующиеся данной проблемой.

Там же (с. 36) Ли Мин-бинь называет другие работы по языкознанию: курсы Е. Д. Поливанова и "Китайско-русский словарь" В. С. Колоколова (1927, 1935) и полностью упускает из виду огромное научное предприятие, которое осуществлялось в те годы, а именно: составление большого китайско-русского академического словаря. Идея создания такого словаря принадлежит В. М. Алексееву. На подготовку словаря ушло более полувека. Работа над словарем проводилась всем научным коллективом Китайского кабинета ИВ АН (Ленинград) под руководством акад. Алексеева. Она была начата в 1930 г. и велась "в ударном порядке", как любил говорить В. М. Алексеев, все последующие годы с вынужденным перерывом во время Великой Отечественной войны. (В главе о В. М. Алексееве этот его труд также не упомянут). С конца 40-ых годов к работе над словарем приступили и ведущие московские лингвисты. Пройдя много предварительных стадий, работа эта после смерти В. М. Алексеева была возглавлена его учеником проф. И. М. Ошаниным и завершена изданием в 1983г. четырёхтомного "Большого китайско-русского словаря", удостоенного в 1986 г. государственной премии. Словарь посвящается памяти академика В. М. Алексеева¹².

¹² Об истории подготовки словаря к изданию см.: И. М. Ошанин. Предисловие. - Большой китайско-русский словарь. Т. 1, с. 1; М. В. Баньковская. "Бледнолицый брат мой в синологии..." - "Проблемы Дальнего Востока". 1991, N 1, с. 182-196.

Раздел "Основные китаеведческие учреждения" (Гл. II) начинается с явной путаницы в изложении истории Института востоковедения АН СССР и его Ленинградского отделения. Очевидно, автор не располагал надёжным источником, по которому он мог бы ориентироваться при описании мало известной ему истории Института¹³. Обратимся к Ли Мин-биню. Сначала он кратко излагает историю находящегося ныне в Москве Института востоковедения АН СССР: "...был основан в мае 1930 г. на базе ленинградского Азиатского музея (основан в 1918 г.), в 1950 г. институт переехал в Москву..." (с. 43). Итак, по Ли Мин-биню, получается, что до 1950 г. этот Институт находился в Ленинграде, где и был основан в 1930 г. на базе Азиатского музея. О Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР сказано, что оно было учреждено в 1956 г., что оно располагает ценнейшим рукописным наследием (Дунхуана, Тибета, Си Ся), богатейшей библиотекой, в которой хранятся редчайшие издания восточной литературы древности и средневековья, и что это всё делает названный Институт важной советской научной базой. Невольно задаёшься вопросом: откуда взяться такому богатству в учреждении, которому немногим более тридцати лет? Прежде всего, Азиатский музей, если он был основан в 1918 г., не мог быть "ленинградским": в то время город назывался Петроград. Но суть не в этом. Азиатский музей был основан в Петербурге в 1818 г. В 1930 г., через 112 лет после его основания, на базе этого богатейшего научного востоковедного центра впервые в нашей стране было создано академическое востоковедное учреждение - Институт востоковедения АН СССР (ИВАН). В 1950 г. ИВ АН был переведен в Москву; в Ленинграде остался лишь Сектор (Музей) восточных рукописей, обслуживаемый сравнительно небольшим коллективом научных сотрудников, и бесценная, накопленная десятилетиями, научная база советского востоковедения - Рукописный отдел, Библиотека и Архив востоковедов. Осенью 1956 г. подобное ненормальное положение, когда головной Институт с его многочисленными секторами и разросшимся штатом научных сотрудников находился в одном городе, а сама его научная база - в другом, было ликвидировано. Постановлением Президиума АН СССР Ленинградский Сектор был преобразован в Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР (ЛО ИВАН)¹⁴, которому (учитывая, что оно основано на базе Азиатского музея) в 1988 г. исполнилось 170 лет. Таким образом, даты у Ли Мин-биня, кроме одной, указаны правильно, да и формально вроде всё верно, но суть дела искажена.

Выше уже упоминались некоторые работы акад. В. М. Алексеева, которые не нашли отражения в специальной главе, ему посвящённой: "Выдающийся советский китаевед академик Алексеев" (Гл. III). Насколько нам известно, Очерк Ли Мин-биня - это первая в Китае публикация, где так подробно говорится о деятельности акад. В. М. Алексеева - ученого, который основал советскую школу китаеведения и всю свою жизнь был отважным её рулевым. Автор в этой главе уделяет внимание разработанным В. М. Алексеевым новым направлениям китаеведческой науки, рассказывает о том, каковы, с точки зрения В. М. Алексеева, должны быть главные качества китаеведа, и останавливается на отдельных трудах учёного¹⁵. Всё это

¹³ Например, книгой: Азиатский музей - Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972, 595 с.

¹⁴ Официальное название этого учреждения ныне: Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения Российской Академии наук (СПбф ИВ РАН).

¹⁵ В мае 1991 г. исполнилось 110 лет со дня рождения акад. В. М. Алексеева. Читателю будет интересно узнать, что 20.06.91 в Пекине проходило расширенное юбилейное заседание памяти В. М. Алексеева. Оно было организовано факультетом русского языка и литературы ПГУ, Ассоциацией восточной культуры Китая и Ассоциацией китайско-советских культурных связей. Одним из инициаторов и активных организаторов этого научного мероприятия был Ли Мин-бинь, который выступил на заседании с основным докладом "Жизнь и деятельность В. М. Алексеева". Среди приглашённых были и специалисты из России. Сотрудники Института Дальнего Востока Российской АН В. Ф. Сорокин и В. Ф. Феоктистов выступили с сообщениями, посвященными памяти В. М. Алексеева; было зачитано выступление М. В. Баньковской, дочери В.

обязывает рецензента с особым вниманием отнестись к данной главе, отметить содержащиеся в ней фактологические неточности, а также сделать кое-какие замечания и высказать свои соображения по её содержанию. Рецензент надеется, что всё это может в какой-то мере оказаться полезным автору Очерка при подготовке его к переизданию.

Однако, прежде чем перейти к этой главе, сделаю несколько замечаний по главе II, в той её части, где Ли Мин-бинь касается работ В. М. Алексеева, непосредственно относящихся к китайской литературе или с ней связанных.

Так, в разделе "Переводы и исследования китайской литературы в 1917-1949 годы" автор Очерка сообщает: "В 20-30-ых годах одна за другой публикуются несколько его (имеется в виду В. М. Алексеев - *И. Ц.*) статей, позднее его работа "Китайская литература" (см.: "Литература Востока", вып. 2, с. 46) была даже переведена на французский язык (1937, Париж). "С информацией о переводе этой статьи на французский то же, что и с изложенной Ли Мин-бином историей ИВАН: формально всё как будто бы верно, на самом же деле сюжет иной. Из сообщения Ли Мин-биня создается впечатление, что кто-то обратил внимание на эту статью, перевёл ее, а затем этот перевод был опубликован в Париже. Дело в том, что статью эту, несколько переработав её для лекции, которую ему предстояло прочесть в Париже, на французский язык перевёл сам В. М. Алексеев. Позднее, в 1937 году, шесть прочитанных им в 1926 г. лекций по китайской литературе были изданы в Париже отдельной книгой¹⁶. Полагаю, что эта работа (одна из немногих, опубликованных при жизни академика) должна быть упомянута в Очерке. Следует назвать в Очерке и другую одноимённую статью В. М. Алексеева "Китайская литература. Историко-библиографический очерк", которая вошла в один из первых (если не первый) советских трудов, всесторонне знакомящих русского читателя с культурой Китая¹⁷.

Обе упомянутые статьи перепечатаны в кн.: В. М. Алексеев. Китайская литература (М., 1978), на которую автор очерка не раз ссылается. Поэтому вряд ли стоит для ознакомления с первой из названных статей отсылать читателя к изданию 1920 г., давно ставшему библиографической редкостью. Там же, в "Китайской литературе" (с. 67-98), дан перевод на русский язык трёх других парижских лекций по литературе, прочитанных Алексеевым.

Кроме того, по-видимому, следует сказать и о других лекциях, прочитанных В. М. Алексеевым в 1926 г. во время его лекционной поездки в Европу. Речь идёт о пяти лондонских лекциях о китайском театре и о китайской религии по изображению их в китайском народном искусстве. Тем более, что основной текст одной из них - "Китайские боги богатства", имеющей отношение и к китайской народной литературе, был опубликован в Лондоне отдельным, прекрасно проиллюстрированным изданием¹⁸.

Перехожу теперь к Гл. III: "Выдающийся советский китаевед академик Алексеев".

Говоря об алексеевской школе, Ли Мин-бинь сообщает, что "её составили китаеведы, с ним вместе работавшие и воспринявшие его идеи, - это широко известные

М. Алексеева, приглашённой на заседание, но не сумевшей из-за болезни лично принять в нём участие (к сожалению, в Санкт-Петербурге и Москве эта юбилейная дата прошла незамеченной).

Следует также учесть, что Ли Мин-бинь является автором целой серии статей о жизни и трудах В. М. Алексеева, опубликованных в основном уже после выхода в свет рецензируемой книги.

¹⁶ La littérature chinoise. Six conférences au Collège de France et au Musée Guimet (November 1926) par Basil Alexéiev. Paris, 1937, 232 c.

¹⁷ Китай. История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость. Сборник статей под редакцией акад. В. М. Алексеева. М.-Л., 1940.

¹⁸ The Chinese Gods of Wealth. A lecture delivered at the School of Oriental Studies, University of London, on 26th March, 1926. London, 1928, 36 c., 24 plates.

покойные (далее перечисляются их имена. - *И. Ц.*)... и целая плеяда ныне здравствующих ученых - Федоренко и другие" (с. 65). Справедливости ради здесь следовало бы добавить имена: Л. Н. Рудов (ум. в 1941), В. Н. Казин (ум. в 1942), В. М. Штейн (ум. в 1964), В. А. Вельгус (ум. в 1980), Б. Б. Вахтин (ум. в 1981), О. Л. Фишман (ум. в 1986) и др.; среди ныне здравствующих: И. Т. Зограф, Л. Г. Козакова, Т. А. Малиновская, Л. Н. Меньшиков, Л. К. Павловская, М. Л. Пчелина, Б. Л. Рифтин, М. В. Софронов, Е. А. Серебряков, С. Л. Тихвинский, И. Э. Циперович, С. Е. Яхонтов и др.

Несколько замечаний, касающихся зарубежных поездок В. М. Алексеева. Здесь не все даты точны и не всегда правильно указана их цель. Ли Мин-бинь свидетельствует: "В своё время в 1904-1905, 1906-1909, 1910 и 1926 годах он совершенствовал свои знания в Китае (или, как у нас принято говорить: "проходил стажировку", "стажировался". - *И. Ц.*); в 1907 и 1912 гг. приезжал в Китай для научной работы в провинции Хэнань и юго-восточной части Китая". (с. 65-66). И далее: "Помимо Китая, он несколько раз совершенствовал свои знания в Англии (1911, 1923, 1928) и во Франции (1911, 1926)" (с. 68). По поводу поездок в Китай. В 1904-1905 и в 1910 гг. В. М. Алексеев в Китае не был. Впервые он попадает в Китай осенью 1906 г., куда командирован Петербургским университетом для совершенствования в китайском языке и где проводит три года. Следующие его две поездки в Китай были кратковременными (на летние месяцы). В 1912 г. В. М. Алексеев был командирован в районы южно-приморского Китая для сбора этнографического материала; в 1926 г. в составе этнолого-лингвистической экспедиции путешествовал по северной Монголии и Китаю. В 1907 г. В. М. Алексеев специально не "приезжал" в Китай, как это говорит Ли Мин-бинь, который, кстати, сам указывает, что в Китае В. М. Алексеев был с 1906 по 1909 г. В 1907 г., находясь в Китае, с мая по октябрь он участвовал в археологической миссии в северный Китай, возглавляемой выдающимся французским китаеведом акад. Э. Шаванном. Во время этого путешествия В. М. Алексеев вел дневник, который был опубликован через восемь лет после его смерти¹⁹. Этот большой труд В. М. Алексеева также не нашёл отражения в Очерке. Что касается европейских поездок. В 1928 г. В. М. Алексеев не посещал Англию, но был там в 1926 г., что Ли Мин-бином упущено; упущено также пребывание В. М. Алексеева во Франции в 1923 г. Ничего в Очерке не говорится о его первой трёхгодичной поездке в Европу (Англия, Франция, Германия) в 1904-1906 гг., куда он был командирован, как пишет сам В. М. Алексеев, "для дальнейшего приготовления к профессорскому званию и для методического совершенствования"²⁰.

И ещё. Вряд ли уместно применять термин "совершенствование знаний", "стажировка" (進修) к зарубежным поездкам В. М. Алексеева в Европу в 1923 и 1926

¹⁹ В. М. Алексеев. В старом Китае. Дневник путешествия 1907 г. М., 1958, 312 с. В 1989 г. в Германии вышел перевод "Дневника" на немецкий язык: V. M. Alekseev. China im Jahre 1907. Ein Reisetagebuch, 431 с. Книга прекрасно переведена проф. З. Берзингом и содержит богатый иллюстративный материал, ранее не публиковавшийся, значительную часть которого составили снимки, сделанные во время путешествия самим Алексеевым. В подготовке издания активнейшее участие принимали В. В. Петров, М. В. Баньковская и Б. Л. Рифтин. Последним принадлежит большая совместная статья "Русский китаевед Алексеев и его путешествия по Китаю" (с. 389-418 немецкого издания). Кроме того, Б. Л. Рифтин прокомментировал многие места к тексту "Дневника" и написал небольшое предисловие к немецкому переводу. С русского издания 1958 г. уже сделан перевод "Дневника" на венгерский язык, который ждёт своей публикации в Будапеште. Нет сомнения, что "Дневник" Алексеева представит большой интерес для китайского читателя. Поэтому мы были рады услышать, что в дальнейшие планы Ли Мин-биня входит перевод с русского книги В. М. Алексеева "В старом Китае".

²⁰ Об этой и других зарубежных поездках В. М. Алексеева подробно рассказывается в обзоре: "Некоторые даты жизни и деятельности В. М. Алексеева, отмеченные им самим". - Литература и культура Китая. М., 1972, с. 147-160. См. также: В. М. Алексеев. Три отчёта о пребывании в Китае в 1906-1909 гг. - Наука о Востоке, 1982, с. 271-280; В. М. Алексеев. Лекционная поездка русского китаиста в Англию. - Там же, с. 319-328.

гг., когда он был уже член-кор. АН СССР; то же относится и к его научной командировке в Монголию и Китай 1926 г.

Раздел III главы об Алексееве посвящён трём собраниям его трудов: "Китайская народная картина" (1966), "Китайская литература" (1978) и "Наука о Востоке" (1982). Начинается она так: "Успешные плоды научного творчества акад. Алексеева, помимо уже опубликованных его работ (имеются в виду прижизненные его публикации. - *И. Ц.*), нашли своё отражение в трёх одно за другим увидевших свет собраниях, составленных после смерти академика его учениками" (с. 73). Что представляют собой эти собрания? Поднят огромный пласт научного наследия главы школы советского китаеведения; объём всех трёх собраний, вобравших в себя, главным образом, впервые публикуемые работы, в общей сложности равен примерно полутора тысячам страниц; каждое из собраний снабжено развёрнутыми комментариями, вступительной статьёй. Полагаю, что всё это обязывает автора очерка в разделе, специально посвящённом этим собраниям, назвать имена тех, кому мы обязаны выходом их в свет, а не ограничиться простым упоминанием, что они "составлены его учениками". Тем более, что это и неверно. Титульным составителем всех трёх собраний является М. В. Баньковская, к китаеведению отношения не имеющая. Н. Т. Федоренко, Л. З. Эйдли́н (ответственные редакторы), Л. Н. Меньшиков, В. В. Петров и Б. Л. Рифтин, - вот те ученики В. М. Алексеева, каждый из которых принял непосредственное и весьма значительное участие в подготовке собраний к публикации. Трудно переоценить усилия, предпринятые в этом отношении В. В. Петровым: не один год жизни положил он на создание аппарата к "Науке о Востоке", который занимает 137 страниц в этой книге. Обстоятельный комментарий к тексту работ Алексеева, Библиография, Указатель имён, Иероглифические указатели, - всё это выполнено им, причём на таком научном уровне и столь добросовестно, что должно рассматриваться как самостоятельная работа, достойная самой высокой оценки. Далее (хотя с этого следовало бы начать). После смерти В. М. Алексеева его дочь, М. В. Баньковская, и до конца своей жизни его жена, Н. М. Алексеева (ум. в 1973 г.), посвятили себя разбору архива В. М. Алексеева, его систематизации и подготовке значительной его части к изданию. Всем этим после 1973 г. занималась и продолжает заниматься М. В. Баньковская. Не будучи китаеведом, она всегда была организатором и непосредственным исполнителем работ, которые связаны с подготовкой архивного материала к публикации. Прежде всего именно благодаря её трудам, ценнейшее востоковедное наследие В. М. Алексеева, в том числе и вошедшее в три указанных сборника, стало доступно широким научным кругам. Приходится сожалеть, что автор Очерка уделил там мало внимания характеристике данных собраний и анализу представленных в них публикаций: если "Китайской литературе" посвящено примерно полстраницы, то "Китайской народной картине" и "Науке о Востоке" - всего по пять-шесть строк. Между тем с выходом в свет в 1966 г. "Китайской народной картины" наконец-то была осуществлена заветная мечта учёного о публикации собранных им народных картин. "С книги о китайской народной картине В. М. Алексеев, молодой выпускник Петербургского университета, мечтал начать свою научную деятельность", - свидетельствует Л. З. Эйдли́н²¹. Книга эта принесла тогда читателю огромные знания по китайской мифологии, народным религиям, театру, традиционному китайскому народному искусству. Более чем двадцать лет спустя материалы коллекции народных картин В. М. Алексеева и некоторых других коллекций составили содержание выпущенных в 1988 г. издательством "Аврора" трёх красочных альбомов параллельно на английском, немецком и французском языках²². В 1991 г. тем же издательством "Аврора" совместно с китайским издательством "Жэньминь мэйшу чубаньшэ" был выпущен альбом китайских народных картин из коллекции В. М. Алексеева и

²¹ Л. Эйдли́н. От редактора. - Китайская народная картина. М., 1966, с.3.

²² "Chinese Popular Prints", "Chinesische Neujahrbilder", "L'Imagerie populaire chinoise".

многих других коллекций нашей страны²³. Удивительный с точки зрения полиграфического искусства и объёма представленного материала, этот альбом содержит также исследовательские статьи Б. Л. Рифтина, Ван Шу-цуня и Лю Юй-шаня о самой китайской картине и о её собирателях.

Рецензент не увидел в Очерке и ещё одной большой работы В. М. Алексеева - "Китайская классическая проза"²⁴, куда вошли многие произведения древней и средневековой китайской литературы в переводах В. М. Алексеева, а также упоминания о двух последних собраниях Ляо-чжая²⁵.

Хочется верить, что Ли Мин-бинь найдёт возможность в дальнейшем расширить рассматриваемую главу и более обстоятельно раскрыть содержание трудов В. М. Алексеева. Помимо прочего, это в какой-то мере приведёт и к ликвидации бросающейся в глаза диспропорции в объёме разделов Очерка, посвящённых анализу работ таких наших китаеведов, как, например, Б. Л. Рифтин, Н. Т. Федоренко, В. И. Семанов, И. С. Лисевич, - с одной стороны, и объёме разделов, где рассматриваются труды акад. В. М. Алексеева. Всего лишь один пример в этой связи. Раздел 3 (Гл. X): монография Семанова "Эволюция китайского романа. Конец XVIII-начало XX вв." - 3 стр.; Раздел 4 (Гл. XI): монография Семанова "Лу Синь и его предшественники" - 13 с.; Раздел 3 (Гл. III об акад. Алексееве): "Три собрания - "Китайская литература", "Китайская народная картина", "Наука о Востоке" - 1,5 стр.

Некоторые соображения по остальной части Очерка.

Говоря о необходимости создания в нашей стране "Истории китайской литературы", доведённой до наших дней, Ли Мин-бинь останавливается на тех источниках, которые уже накоплены в этой связи в России и могут составить фундаментальную базу для такой "Истории". Среди прочего называются и материалы раз в два года проводимой у нас научной конференции "Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока" (с. 91). Здесь следует сказать и о ежегодных московских конференциях "Общество и государство в Китае" (первая такая конференция состоялась в 1970 г.). В них принимают участие китаеведы всех регионов нашей страны, а также некоторые зарубежные специалисты. В тезисах конференций, регулярно публикуемых, можно найти богатый материал и по изучению китайской литературы в нашей стране²⁶. Кроме того, надо упомянуть и Библиографию по китайской классической литературе, представленной в русских переводах и исследованиях²⁷. Удачно составленная с точки зрения тематического распределения материала и разумной его индексации, она является надёжным источником для специалиста и послужит хорошим подспорьем при написании "Истории" в части, касающейся классической литературы. Указатель предваряется очерком В. Ф. Сорокина "Китайская классика в нашей стране".

В одном из разделов Очерка (Гл. IX) упоминаются русские исследования и переводы китайских повестей, написанных в жанре "подражание хуабэням" (*ни хуабэнь*) и вошедших в пять китайских собраний середины XVII в., известных под общим названием "Сань янь - Эр пай". Избранное из этих пяти собраний в тот же

²³ Редкие китайские народные картины из советских собраний (蘇聯藏中國民間年畫珍品集). Ленинград-Пекин, 1991.

²⁴ Китайская классическая проза в переводах акад. В. М. Алексеева. М., 1958, 387 с. Книга была переиздана в 1959 г. тем же издательством.

²⁵ Пу Сунлин. Рассказы Ляо-чжая о необычайном. М., 1988, 558 с.; Пу Сунлин. Монахи-волшебники. Рассказы о людях необычайных. М., 1988, 557 с.

²⁶ Недавно был издан обстоятельный указатель к конференциям за 1970-1989 гг.: "Общество и государство в Китае". Указатели (I-XX научные конференции). М., 1989, 180 с. По свидетельству его составителей, в нем отражено 1784 тезиса и доклада.

²⁷ Китайская классическая литература. Библиографический указатель русских переводов и критической литературы на русском языке. Составитель И. К. Глаголева. М., 1986. 324 с.

период было включено в сборник "Удивительные истории нашего времени и древности" ("Цзинь гу ци гуай"). Вот что говорится об этом у Ли Мин-биня: "Выдающийся переводчик, доцент Московского университета Дмитрий Николаевич Воскресенский (китайское имя Хуа Кэ-шэн, 1926) перевёл множество повестей из собраний хуабэней "Сань янь - Эр пай", романы периода Цин "Неофициальная история конфуцианцев" ("Жу линь вай ши") и "Двенадцать башен" ("Ши эр лбу"), а также является автором многих статей (имеется в виду: об этих литературных жанрах. - И. Ц.)" (с. 176). Здесь следует также упомянуть имена китаеведов В. А. Вельгуса и И. Э. Циперович, многие годы занимавшихся переводом и исследованием повестей из "Сань янь - Эр пай". Их переводы составили содержание четырёх собраний²⁸ (два из них упомянуты в другом месте Очерка и в Приложениях).

В Главе XI, посвящённой лусиноведению, несомненно следует указать на выпущенную издательством "Книга" в серии "Писатели зарубежных стран" библиографию "Лу Синь"²⁹. Автором-составителем этой фундаментальной работы является И. К. Глаголева. Книга открывается обстоятельной вступительной статьей В. Ф. Сорокина, посвящённой жизни и творчеству писателя.

Наличие в Очерке Приложений, знакомящих китайских читателей с основными русскими исследованиями и переводами китайской литературы, а также дающих краткие сведения о русских китаеоведах, можно только всячески приветствовать. В то же время именно эта часть книги (с. 237-300), с нашей точки зрения, требует дополнительной над ней работы.

К Приложениям имеется небольшое примечание (с. 300), где автор перечисляет использованные им для Приложений источники. Полагаю, что здесь автору следовало бы заметить, что сведения, приведённые им в Приложениях, ни в коей мере не претендуют на их полноту. С нашей точки зрения это необходимо, чтобы не дезориентировать читателя. Далее. Все три Приложения не дают доступа к рекомендуемой русской литературе специалисту, владеющему русским языком. И если в основной текст Очерка ввести оригинальные библиографические данные представляется сложным, то ввести русскую часть в Приложения, с нашей точки зрения, можно и нужно. (Обо всем этом уже говорилось на с. 419 настоящей рецензии).

Выбор материала, внесённого в первое Приложение "Советские исследования по китайской литературе", весьма субъективен. В нем, например, не указана ни одна из многочисленных работ Л. Н. Меньшикова по изучению жанра *бяньвэнь* и сочинений, написанных в этом жанре. Во второе Приложение "Переводы произведений китайской литературы в Советском Союзе" внесены четыре книги Л. Н. Меньшикова, представляющих собой перевод того или иного сочинения жанра *бяньвэнь*. При этом библиографические данные, сообщаемые о каждой книге таковы: название книги, автор перевода, издательство, год. Следует учесть, что каждая русская книга, представляющая собой научный комментированный перевод старинных сочинений (тем более рукописных литературных памятников), как правило, включает в себя также и исследование данного сочинения автором перевода. Нередко это исследование по своему объёму превышает сам перевод. Всё это наводит на мысль о целесообразности сведения воедино названных двух Приложений, тем более, что материал в каждом из них расположен по одному и тому же принципу: в порядке хронологии истории развития китайской литературы. Такой указатель можно было бы озаглавить "Русские исследования и переводы китайской литературы". Это, с одной стороны, упростило бы технику введения в Очерк русской графики, с другой - помогло бы читателю сразу составить представление о сфере научной деятельности того или иного китаеоведа.

²⁸ 1) Удивительные истории нашего времени и древности. Избранные рассказы из сборника XVII в. "Цзинь гу цигуань". Перевод и примечания И. Э. Циперович. М.-Л., 1954. 315 с.; 2) Удивительные истории нашего времени и древности. Послесловие, перевод с китайского и примечания В. А. Вельгуса и И. Э. Циперович. М., 1962. Т. 1, 454 с. Т. 2, 454 с.; 3) Разоблачение божества. Средневековые китайские повести. М., 1977, 518 с.; 4) Удивительные истории нашего времени и древности. Перевод с китайского. М., 1988, 478 с.

²⁹ Лу Синь. Библиографический указатель. М., 1977, 245 с.

Определённые сомнения вызывает и Приложение III. "Краткие сведения о китаеведах России и Советского Союза". Нельзя, как говорил К. Прутков, "объять необъятное". Рецензент берет на себя смелость предложить автору ограничиться введением в данное Приложение лишь тех китаеведов, которые занимались и занимаются изучением китайской литературы как таковой, и исключить из него авторов трудов в других областях китаеведения (история, экономика, этнография и проч.). Ибо даже в своей литературной части перечень названных Ли Мин-бинем китаеведов далеко неполный. В том же Приложении III надо внимательно отнестись к указанным автором годам жизни русских китаеведов (того же требуют даты в самом корпусе работы). Есть вещи, которых автор, разумеется, не может знать. Например, год смерти Б. А. Васильева 1937 (а не 1946), Ю. К. Щуцкого - 1938 (а не 1941). Для ряда лиц в этом Приложении к первой дате, к сожалению, надо добавить и вторую - год смерти (Г. В. Астафьев, Б. Б. Вахтин, А. И. Гитович, Л. И. Думан, Р. Ф. Итс, А. Г. Крымов, В. А. Панасюк, В. В. Петров, Л. П. Сычёв, Е. А. Цыбина, М. Ф. Юрьев, Ян Хин-шун). В отдельных случаях годы жизни в Приложении вообще не указаны.

Совершенно очевидно, что некоторые недочёты книги Ли Мин-биня, нами отмеченные, ни в коей мере не умаляют больших достоинств самого Очерка. Очерк впервые подробно знакомит китайского читателя с истоками русского китаеведения, рассказывает, как, когда и кем китайская литература представлена в нашей стране. Хочется верить, что рецензируемый труд Ли Мин-биня лишь начало большого вклада, который предстоит внести автору во вновь избранную им тему, причём начало более чем удачное. Пожелаем же ему всяческих успехов.

И. Э. Циперович.

Новые материалы по культуре Южной Аравии: *Costa Paolo M. Musandam: Architecture and material culture of a little known region of Oman. L., 1991, 243 p. ill.)*

Рецензируемая работа посвящена культуре мало изученного уголка Юго-Западной Аравии - полуострову Мусандам, административно входящему в состав Омана. Её автор - специалист по археологии и истории искусства Паоло Коста М., более 20 лет провёл в странах Ближнего Востока, из них последние 10 лет - советником по археологии Министерства национального достояния и культуры Омана. Вместе с ним свой вклад в появление этого издания внесли Джерман Грациози Коста, Джиджи Крокер Джонс и Роберт К. Винсент. Ими были подготовлены отдельные разделы, удачно дополняющие материалы Паоло Косты.

В кратком введении (с. 13-25) Паоло Коста называет три характерные особенности культуры Мусандама: тип жилища горных районов, язык и уникальный топорик (*джерз*), не встречающиеся в регионах Южной Аравии. Так как тема книги ограничена рамками архитектуры и материальной культуры Мусандама, проблемы языка в дальнейшем не раскрываются, но вводится раздел, посвящённый ремесленному производству, имеющему достаточно много параллелей с соседними культурными ареалами. По сути дела, во введении очерчивается круг вопросов, которые рассматриваются в последующем изложении.